

емые в заголовках белорусских газет прецедентные феномены в большинстве случаев актуализируют тексты, обладающие высокой когнитивной значимостью для жителей нашей страны, особенно для людей среднего и старшего поколения – советские литературные, кинематографические и песенные произведения, классическую программную литературу, преимущественно русскую, популярные тексты для детей.

Использование определенного набора прецедентных текстов вносит вклад в моделирование образа аудитории того или иного издания, помогает установить контакт между автором и адресатом текста, включает читателя в семиотический процесс создания смысла текста как равноправного участника коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Наумова, Е. О.** Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. О. Наумова; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2004. – 20 с.
2. **Каминская, Т. Л.** Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Т. Л. Каминская; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2009. – 45 с.
3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., стер. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
4. **Супрун, А. Е.** Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
5. **Ермакова, М. А.** Школьная литература как источник прецедентных текстов / М. А. Ермакова // ЦИТИСЭ. – 2020. – № 4 (26). – С. 307–320.
6. **Костомаров, В. Г.** Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Гардарики, 2005. – 287 с.
7. **Костомаров, В. Г.** Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1 (147). – С. 73–76.
8. **Золотарева, С. А.** Логоэпистема – соприкосновение двух знаковых систем: языка и культуры / С. А. Золотарева // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 2 (46). – С. 12–15.

УДК 81'27

К. С. Богатчикова, С. В. Востриков

БИЛИНГВИЗМ КАК СРЕДСТВО ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ

Аннотация. В статье подробно исследуется феномен билингвизма через призму взаимодействий межэтнических и мультикультурных коммуникаций. В условиях интенсификации межцивилизационных и трансграничных взаимодействий особую значимость приобретают этноязыковые факторы, культурно-ценностные ориентации и психоментальные «маркеры самоидентификации». В контексте глобализации важно учитывать исторические и культур-

но-цивилизационные особенности как Запада, так и Востока. Недооценка языковых дистанций и этнокультурных факторов способны привести к серьезным ошибкам, провалам и турбулентным процессам в политике.

Ключевые слова: билингвизм, язык, дистанции, речь, исторические, цивилизационные, лингвострановедческие, этноконфессиональные, психоментальные факторы, всемирная история, конфликты и международная стабильность.

В условиях ценностных культурно-цивилизационных и групповых конфликтов из-за власти, территории, статуса именно язык нередко приобретает значение этноконсолидирующего или дифференцирующего символа общности. Механизм сближения/отдаления лингвокультурных дистанций при формировании государственных новообразований, как показывает практика, выходит на первый план и становится определяющим фактором, поскольку именно язык является важнейшим идентификатором в этом процессе.

Во многих регионах мира язык стал сферой острой политической борьбы: в целом ряде стран развернулись противоборства (и даже реальные войны) вокруг законов о языке. Такая борьба может носить как открытый, так и латентный характер: внешняя экспансия, либо ползучая инфильтрация и внедрение в «языковой организм» извне чужеродных бактерий, индуцирующих возникновение скрытых внутренних инфекционных процессов, которые превращают «здоровый язык» в «больной». Деграция культуры речи, замусоривание собственного языка иноземными заимствованиями приводит не к сближению языковых дистанций, а к появлению деформированных косноязычных «гибридообразных пиджинов», вроде германо-американизированного «герлиш» или своеобразного франко-атлантического «лингвобульона» наподобие «франгле».

Это в полной мере касается и «великого и могучего»: русский язык сегодня тоже переживает трудные времена, что проявляется в следующей симптоматике: сфера его употребления сокращается как в «дальнем зарубежье», так и в «ближнем» (только в одном государстве, кроме России, на пространстве СНГ он используется в качестве государственного); сокращается общая численность носителей русского языка; снижается уровень грамотности (в том числе среди молодежи), ухудшается культура речи и письменности; негативные явления происходят и с социальным статусом языка. Глубокие структурно-трансформационные и социокультурные изменения 1980–90-х гг. не могли не затронуть и языка, когда в него начали интенсивно проникать «жаргонизмы», маргинальные «новоделы», ненормативная лексика, фразеологические, стилистические и грамматические ошибки, многочисленные импортные «кальки/вирусы», имеющие следствием образование деструктивных мутаций, усиливающих риски возникновения уродливого постмодернистского «инвалида», который определенными кругами подается как некий «неоптичный язык» – «русиш» (что, вероятно, дает повод, как им представляется, отдельным фигурантам, представляющим снобистский «истеблишмент», вроде профессора Г. Гусейнова из Высшей школы экономики, прибегать к использованию по отношению к государственному

языку России оскорбительных определений вроде – «клоачный язык». – Прим. авт.).

Аналогичные явления наблюдаются в настоящее время и на всем постсоветском пространстве, где превалируют процессы «отдаления (или «разбегания») языковых дистанций». Особенно контрастно это проявляется внутри государств, где возникают новые «разделительные линии» (или расхождения) между двумя четко выраженными «контактерами» – языком доминирующего «титального этноса» и языком относительно многочисленного, консолидированного и компактно проживающего «условного меньшинства» (нужно отметить, что «меньшинства» зачастую обладают более высоким уровнем этносензитивности, чем «большинства»). Возникает вопрос: есть ли формула цивилизованных (то есть не силовых) методов регулирования языковых отношений? Общемировая практика (в том числе и непосредственных соседей России) дает положительный ответ на этот вопрос.

Существует ряд различных вариантов, технологий, методик и подходов к решению данной проблемы: пожалуй, наиболее распространенным среди них является двуязычие в самых разнообразных его модификациях. Так, в Финляндии (некогда входившей в состав Российской империи), где исторически существует консолидированное этноязыковое шведское меньшинство (около 10 % населения), это был вариант национально-территориальной автономии Аландских островов, где компактно проживающее этноязыковое шведское «меньшинство» составляет подавляющее «большинство». Статус и гарантии в отношении преподавания на шведском языке в школах, гимназиях, выпуска на нем печатной продукции, деятельности СМИ, употребления в сейме Финляндии (в комплексе с демилитаризацией всего Аландского архипелага, особым порядком назначения губернатора, решения финансовых вопросов, ограничений на продажу земли лицам, не имеющим постоянного места жительства на Аландах, наличия здесь внутренней администрации и органов местного самоуправления) были закреплены в соглашении 1922 г. Позднее эти положения были включены в Конституцию Финляндии (параграф 120 Конституции Республики Финляндия «Об автономии Аландских островов»). Следует особо акцентировать внимание на юридическом и конституционно-правовом аспекте регулирования и гармонизации языковых отношений в рамках одного государства (опыт Аландской автономии признан одним из лучших в мире. – Прим. авт.).

В Республике Беларусь используется несколько иная модель конституционно-правового регулирования языковых отношений. Как отмечает белорусский ученый, филолог Т. П. Слесарева, «современная Белоруссия – это республика, в которой русский язык выступает не только как язык межнационального общения, но и как широко используемое средство внутринационального общения. Закон «О языках в Республике Беларусь» (он был принят по результатам общенародного референдума, на котором $\frac{3}{4}$ населения Республики Беларусь

проголосовало за придание ему статуса государственного наряду с белорусским. – Прим. авт.), принятый весной 1998 г., закрепил принцип двуязычия» [17]. Нельзя не отметить тот факт, что обе модификации (при всей их специфике) успешно функционируют на протяжении десятилетий, что подтверждает возможность применения поливариантных подходов к решению столь сложных, тонких и деликатных проблем.

Как показывает изучение психоисторических и этнокультурных факторов, влияющих на языковое развитие, базовой основой билингвизма является, как правило, близость «языковых дистанций» (или родство языков), но не только. Ибо билингвизм явление не только языковое, но и социальное, поскольку в основе возникновения, распространения и функционирования двуязычия всегда лежат социально-исторические условия [25].

Это относится и к России, которая онтогенетически, исторически, цивилизационно представляет собой уникальное этноязыковое (и трансконтинентальное) пространство [26], охватывающее территорию от Тихого океана до Балтийского моря. На этих просторах самой природой столетиями формировалась удивительная и неповторимая мозаика, в полифонию которой органично вписывался и вплетался «всяк сущий в ней язык» (здесь не работала конструкция американского «плавильного котла». – Прим. авт.). Множество наций и народов инкорпорировалось в державное тело России, сохраняя свои особенности: языки, этнические культуры, традиции, обычаи. В Российской Федерации, включающей ныне 85 субъектов (в том числе области, края, три города федерального значения, 22 республики, а также ряд автономных округов (АО)), регулирование языковых отношений осуществляется в рамках гибкой системы, сочетающей самые разнообразные форматы, виды и модификации.

В большинстве российских республик и АО используется двуязычие; в некоторых из них задействуется и модель полилингвизма (например, Республика Дагестан, Республика Мордовия, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Алтай). Во всех национально-территориальных образованиях РФ созданы учреждения среднего и высшего образования, действуют школы (либо специальные классы) с преподаванием на языках титульных этносов, на которых выпускается научная, учебно-методическая, художественная и периодическая литература; функционируют республиканские (региональные) СМИ, включая телевидение, радио, сетевые структуры; культурные центры, факультеты этносоциологии и филологии вузов по изучению культурного наследия, истории, этнографии, фольклора собственных народов. Такая вариативность позволяет учитывать все богатство своих национальных языков, традиций и культур.

В условиях социоэкономических коллизий и турбулентных процессов последних десятилетий языковые взаимодействия подверглись серьезным испытаниям, но эти сложности не смогли взломать общекультурного кода России, сложившегося на протяжении многих столетий, и поколебать близости языко-

вых дистанций на огромном пространстве нашей страны, где русский язык являлся и является не только государственным языком, но и мощнейшим фактором объединения, консолидации и общероссийской интеграции. Именно он представляет собой, по сути, системообразующее ядро того исторического «государства-цивилизации», которое сложилось на просторах Евразии.

На учредительном собрании Общества русской словесности Президент Российской Федерации подчеркнул: «Речь идет о сохранении национальной идентичности, о том, чтобы быть и оставаться народом со своим характером, со своими традициями, со своей самобытностью, не утратить историческую преемственность и связь поколений. Для русских это означает быть и оставаться русскими. Но не только в этом роль русского языка. Роль русского языка в такой многоликой, многонациональной, красивой стране, как Россия, еще и в том, чтобы создавать единую российскую нацию, быть языком межнационального общения». Очевидно, что сохранение и развитие русскоязычного пространства следует рассматривать в контексте тех стремительных и амбивалентных изменений, которые имеют место как в ближнем, так и в дальнем зарубежье.

Начало XXI в. с «паутиной» – интернетом, гибридными противоборствами, санкциями, «толерантностями», «американоцентризмом», русофобией, «списками изгоев», неокOLONиализмом, двойными стандартами, шовинизмом «золотого миллиарда», деградацией международного права, кибервойнами, цифровизацией [13] не внушает особого оптимизма относительно достижения элементарного взаимопонимания и сотрудничества (примитивизм элит и архонтов, обладающих «богатым дефицитом» гуманитарных, психоисторических и этнокультурных знаний просто удручает. – Прим. авт.).

Разумеется, столь масштабные сдвиги в современном обществе ведут к глубоким трансформациям и в языковой сфере, что отражается на параметрах этнолингвистических взаимодействий между различными акторами. Вследствие интенсификации трансграничных контактов, миграционных процессов [6], расширения возможностей мультимедийных и телекоммуникационных сетей происходит вытеснение некоторых «традиционных» языков, функционировавших на протяжении многих столетий в определенной этнокультурной среде, которые постепенно заменяются более общеупотребительными (и «пассионарными») языками. Таким образом, все более актуализируется проблема «языковой экспансии».

Общепланетарная проблема обретения «совместного будущего в разобщенном мире» весьма злободневна, но трудноразрешима [4]. Несмотря на весь драматизм реальности, думается, что шанс пока еще есть [24]. Кризис недоверия преодолим через открытый, конструктивный и равноправный диалог [4], в котором важную роль могли бы сыграть взаимодействие и сближение языков, культур, цивилизаций (прежде всего между Востоком и Западом). Но одной рукой не похлопаешь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алимов, В. В.** Теория перевода / В. В. Алимов. – Москва: КомКнига, 2006. – 158 с.
2. **Бромлей, Ю. В.** Типология этнических процессов / Ю. В. Бромлей, П. И. Пучков // Всемирная история и Восток. – Москва : Наука, 1989. – 274 с.
3. **Вашкевич, Н. Н.** Тайны происхождения языка / Н. Н. Вашкевич. – Москва: Дека, 1994. – 180 с.
4. **Востриков, С. В.** Запад – Восток: историко-культурные и языковые трансформации в контексте меняющегося мира / С. В. Востриков // Формы культуры и противоречия современного общества: материалы Междунар. науч. конф., Донецк, 27 апр. 2019 г. – Донецк: ДонНТУ, 2019. – С. 273–277.
5. **Востриков, С. В.** Обыкновенный глобализм: монография / С. В. Востриков. – Смоленск: Маджента, 2019. – 311 с.
6. **Востриков, С. В.** Россия на фоне миграционных трансформаций / С. В. Востриков, П. В. Летуновский // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 9 (123). – С. 9–18.
7. **Востриков, С. В.** Россия в трансформирующейся системе международных отношений: монография / С. В. Востриков. – Смоленск: Маджента, 2016. – 191 с.
8. **Востриков, С. В.** Индийский федерализм в мировом измерении: правовые и историко-политические основы: учебное пособие / С. В. Востриков, К. С. Богатчикова. – Смоленск: Универсум, 2009. – 72 с.
9. **Востриков, С. В.** Конфликты в «ближнем зарубежье» и стабильность в Азии / С. В. Востриков. – Москва: Ин-т востоковедения РАН, 1997. – 258 с.
10. **Гуревич, П. С.** Кризис ценностных ориентаций / П. С. Гуревич // Вестн. аналитики. – 2006. – № 3. – С. 83–94.
11. **Зайцев, В. В.** Ноосферное мировидение и проблема выживания земной цивилизации / В. В. Зайцев, С. В. Востриков, С. П. Войтова. – Смоленск: Маджента, 2018. – 171 с.
12. **Китанина, Э. А.** Когнитивный характер иноязычного слова / Э. А. Китанина // Жизнь языков в культуре и социуме – 6: материалы Междунар. конф., Москва, 26–27 мая 2017 г. – Москва: Канцлер, 2017. – С. 254.
13. **Мягкова, Е. Ю.** Цифровое слабоумие: миф или реальность / Е. Ю. Мягкова // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2016. – № 16. – С. 63–73.
14. **Перехвальская, Е. В.** Этнолингвистика / Е. В. Перехвальская. – Москва: Юрайт, 2016. – 351 с.
15. **Пищальникова, В. А.** СМИ как деструктивное информационно-коммуникативное пространство / В. А. Пищальникова // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80, № 6. – С. 32–42.
16. **Райгородский, Д. Я.** Психология народов и масс / Д. Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2006. – 524 с.
17. **Слесарева, Т. П.** Особенности преподавания культуры речи в условиях белорусско-русского двуязычия / Т. П. Слесарева // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – С. 276–278.
18. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1993. – № 3. – С. 33–48.
19. **Чернышев, Д. Б.** Об эстетической ценности языка / Д. Б. Чернышев // Ценности и оценки: проблемы философии и науки: сб. науч. ст. – Смоленск, 2006. – 150 с.
20. История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: Г. Бердников (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1984. – Т. 2. Средневековая литература III–XIII веков. – 753 с.
21. **Farzaad, M.** Hafez and his poems / M. Farzaad. – L., 1953. – 126 p.
22. **Schmidt, H.** // Zeit. – 03.10.1997.

23. Sleeman in Oudh. An Abridgement of W.H. Sleeman's «A Journey through the Kingdom of Oudh». – Cambridge, 1971. – 287 p.

24. Snyder, G. The Real Work / G. Snyder. – N. Y., 1980. – 342 p.

25. Taifel, H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology / H. Taifel. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 384 p.

26. Williams, R. C. Russia Imagined: Art, Culture, and National Identity, 1840–1995 / R. C. Williams. – N. Y.: Peter Lang, 1997. – 394 p.

УДК 821.161.3

С. Г. Васильева

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ И СИМВОЛИЗМ

Аннотация. В статье рассматриваются новые аспекты исследования литературной деятельности М. Богдановича. Разграничены такие понятия, как символизм и декадентство, а также описано их влияние на творческую деятельность белорусского классика М. Богдановича.

Ключевые слова: символизм, модернизм, жанр, стиль, декадентство, белорусская литература.

Диалогичность лирики Максима Богдановича является неоспоримым фактом для современного литературоведения. На протяжении всего времени существования творчества Богдановича исследователи высказывали дуальные точки зрения по поводу причастности поэта к символизму.

Е. Ковтун в книге «Начало супрематизма» (1990) называет картину К. Малевича «Черный квадрат» визуальным манифестом нового направления, т. к. форма, цвет и структура в этом произведении искусства сведены до нуля и перед художником стоит задача создать новое из ничего. Пожалуй, этот пример можно применить и к символистской литературе в целом. Если при романтизме от писателя требовался исключительный герой в исключительных обстоятельствах, реализму была характерна типизация образов с жизнеутверждающими установками, несмотря на трагичность ситуации, то в модернизме центральным мотивом является символ, который может быть интерпретирован как совокупность будущего, настоящего и прошлого.

Пути европейского, русского и белорусского символизма различны. Центральным понятием символизма исследователи называют символ, причем это не знак, не образ и не научный термин. Одна из основных функций поэтического языка – это обозначение, выражение какого-либо явления. В поэтических произведениях символистов превалирует стремление к высшему идеалу. Дискурсивные реалии требуют от поэта единства формы, структуры и идеи. Реальный мир в символизме существует в ретроспективе мистического, эти начала взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Связывать творчество М. Богдановича с символизмом стали с первого появления писателя в литературе. Так, из воспоминаний В. Ластовского, который